

Глава 1.2.

Почему он исчез так, не сказав ни слова, почему не пришел на выпускной, правда ли, что он убил человека, как говорили в слухах, жив ли он вообще.

Но пока я размышлял обо всём этом, этот придурок, оказывается, просто не пришёл, потому что проспал. Наверное, использовал свой телефон как подставку под миску с супом.

Я смутно думал, что он, должно быть, неплохо устроился где-то, но его лицо выглядит даже лучше, чем я ожидал.

На всякий случай я вытащил Кон Пёнхва на улицу.

Даже когда этот придурок был увлекаем мной, он продолжал посылать воздушные поцелуи своему партнёру-мужчине, приговаривая не волноваться.

Ах. Как же это бесит.

Я изо всех сил пытался игнорировать подкатывающее бешенство и затащил Кон Пёнхву за ресторан, где, казалось, никого не было.

Было у меня, что сказать ему при встрече, но теперь это неважно. Я решил сначала удовлетворить свое любопытство.

— Ты давай, честно говори. Что за...

— Ладно. Скажу честно. Скажу напрямик.

Я еще не договорил, а этот гад уже.

— На этой неделе у нашей принцессы первый день рождения. Прошу обязательно присутствовать и почтить своим вниманием.

Не дав мне и рта раскрыть, этот гад, нет, друг, нет, сволочь последняя, сунул мне приглашение на день рождения. Человеку, который хотел сбежать, лишь бы не получить приглашение на свадьбу, он вручает приглашение на первый день рождения ребенка. Вот гад.

Кон Пёнхва был сыном богатой семьи.

Парень, который всегда сбегал с уроков, чтобы купить хлеб в школьном буфете, который тайком собирал друзей, чтобы заказать курицу за школьным двором, когда ему не нравилась еда в столовой, который даже прилежно вылизывал крышки от йогуртов, на самом деле был молодым господином. Когда я заходил к нему домой, я тоже это почувствовал — он определённо был обеспечен.

Драгоценный молодой господин в доме, где постоянно живут дворецкий и прислуга.

Что и говорить о чувстве предательства тогда.

Этот гад, который вечно, как только я приносил лапшу быстрого приготовления, говорил: «Дай кусочек», и сжирал все, оказался богатым?

Было немного обидно, но я подумал, что это понятно, потому что лапша, сваренная другим, всегда кажется вкуснее, чем та, в которую напихали всякой всячины.

Так или иначе, этот богатый гад сразу после выпускного перестал выходить на связь и бесследно исчез, так что я подумал, может, и правда, как говорили, его семья разорилась.

Я даже приходил к его дому — красной наклейки о выселении не было, но хозяин сменился.

Я думал, может, он сбежал среди ночи, поэтому не смог мне сообщить, но тут он ни с того ни с сего суёт мне приглашение на первый день рождения ребенка?

Не свадьба, а день рождения?

Это, конечно, хорошо, но что, черт возьми, происходит?

— У тебя что-то случилось?

— Много всего было, и трудного тоже много...

Его глаза увлажнились, будто он вспоминал прошлое.

Нет, нет, не может быть...

Если подумать, он пришёл, держась за руки с женщиной, и даже сейчас успокаивал ребёнка, будучи в слинге.

Как ни посмотри, трудно воспринимать это в положительном свете.

Друг, который исчез и оборвал все контакты, теперь появляется на встрече выпускников, держась за руки с каким-то незнакомым мужчиной и с ребёнком на руках.

Кон Пёнхва, который вырос в достатке, но чья семья обанкротилась, не смог даже прийти на выпускной и исчез.

Рассчитывая только на своё здоровое тело, он, возможно, занимался физическим трудом.

Хоть он и умственно незрелый, его внешность впечатляет.

А потом его подобрала богатая мадам, ничего не зная о его детском нраве? И, незапланированно забеременев, после родов спихнула на него ребенка?

— Короче, просто приходи на день рождения и почти нас своим присутствием.

Ни слова о свадьбе, сразу про день рождения... видимо, все же деньги? Деньги нужны? Еще не все долги отдал? Срочно нужны наличные? Решил собрать деньги на дне рождения? Поэтому вдруг и появился на встрече? Ну да. Ребенку уже года два, наверное.

— Ты, бля, давай честно говори. Сколько тебе надо. Сколько я должен дать. Сколько?

— Просто приходи.

— Не выпендривайся, говори честно!

В моем воображении Кон Пёнхва уже стал трагическим персонажем.

Брошенный мадам, скитающийся по улицам с ребенком, подобранный каким-то геем. Никакой жизненной хватки, ноль, но, будучи альфой с крепким телом, он попадает к гею, который

положил на него глаз.

И этот гей — тот самый мужчина, с которым он заходил за руку.

Этот мужчина — твой сахарный папочка или что?

Что за бред.

Не имеет смысла, чтобы кто-то не из одноклассников пришёл, держась за руки и будучи в парных нарядах, если только это не какой-то комплекс отчима.

— Да нет же, правда. Seriously. И не ори. Нашу Исылъ разбудишь.

То, как он успокаивал ребенка, совсем не выглядело неловко. Выглядело привычно. Странно, но Кон Пёнхва казался образцовой матерью и женой.

Бред. Такое, как в романах, что читают моя мама и сестра, происходит и в реальности.

— Ты, ты что, телом... телом своим расплачиваешься или что? Ненормальный. Жить надо честно. Здоровый мужик, делать нечего, кроме как телом...

— Ты о чем? — Кон Пёнхва, похоже, не понял и тупо склонил голову набок.

— Ты, ты, ты, ты тому мужику, с которым зашел, телом своим расплачиваешься, спрашиваю?!

— Мужику, с которым зашел? — Кон Пёнхва хитро ухмыльнулся. — А-а-а, это я расплачиваюсь? А? Я расплачиваюсь? Хм, значит, я расплачиваюсь? Может, и сегодня расплатиться? Сделать нашей Исылъ братика?

Что это за старый извращенец.

Словно само слово «похотливый» существовало ради Кон Пёнхвы, он ухмыльнулся, ну просто эталонно похотливо.

Зажимая уши ребенка, он нес чушь.

— Но думаю, я должен, верно? Это будет как наша брачная ночь, правда? Раз это наш первый раз в Корее. Будет всё по-новому, да?

Ч-что он несет? Этот гад.

— Ха, сегодня ночка будет жаркая? Ну и как теперь быть? А, «как быть»... просто зашибись.

Куда у него шары-то катят? Бесит, смотреть тошно.

Рожа, которую не видел почти 10 лет, надоела за 10 минут. Кажется, я слишком долго с этим гадом.

— Ты ведь не встречаешься с тем мужчиной из-за денег?

— С ума сошел. Имени своего не оправдываешь. Бессердечный ты. Бессердечный. Встречаюсь, потому что люблю, с чего бы из-за денег?

И тут же я оказался мелочным.

Обидно.

— Я что, так бедно выгляжу? Почему ты так думаешь? Не только ты, все остальные тоже это говорят.

— Слухи ходили, что твой семейный бизнес разорился.

— А, чёрт. Я тебе не говорил разве?

— Что.

— У тебя сейчас телефон с собой?

Я молча достал из кармана телефон и протянул ему.

Но Кон Пёнхва не взял телефон, а просто ткнул в него пальцем и сказал.

— Это наша фабрика делает, отцовская.

— ...

— У нашей семьи все пучком, дела в гору идут.

Этот гад....

Вместо трагического персонажа Кон Пёнхвы нарисовался Кон Пёнхва — второй сын из чебольской семьи.

Накрыло невыразимое чувство предательства. Видал я таких гадов.

—...Тогда ты просто гей? Тот мужик — твой этот, как его, твоя л-лю... любовь? Что-то типа того? И ты из-за самоидентификации, что ли, путался, поэтому в школу не ходил?

А ребенок на руках тогда... усыновленный? Да, таких историй, как в романах у мамы с сестрой, в реальности быть не может.

То, что друг оказался геем, было немного шокирующим, но хорошо, что он не скрывается от кредиторов и не стал трагическим персонажем, продающим свое тело.

— А. На то была причина. Но не такая...

Какая бы причина ни была, я был готов ее принять. Может, в день выпускного открылись врата, его переместило в другой мир, и, пока он спасал мир, выпускной закончился.

— Я отправился в поход перед отъездом на учёбу за границу, и там потерялся.

Ну и придурок, сводящий на нет все мои тревоги. Это настолько абсурдно, что даже думать ни о чем не хочется.

—...Ладно. Рад, что ты, кажется, нашел свою настоящую любовь.

Надо сохранять спокойствие.

— Вы отлично смотрите вместе. А на день рождения... Эй. Голова говорит, что надо дать 300 тысяч вон, а сердце говорит, что и 3 тысячи для тебя жалко. Как быть?

— Да, правда?

Значит, и у тебя совесть есть.

— Мы охренительно смотримся вместе, да?

Гад. Я думал, у тебя только совести нет, а ты еще и такта лишен.

— У всех просто челюсти отвисли. Хотя, ты же, Уджон, всегда был открытым и без предрассудков.

Не. Я тоже охренел так, что зажигалку уронил. Честно говоря, я до сих пор в шоке.

— Но все же, удивительно, что ты удивлен, что я женился на Сэбёке, а не на ком-то другом.

— А?

— Мансок вон спрашивал, чего это вы за руки держитесь.

Не Мансок, а Юнсон. А, стоп, это неважно. Кто?

— Эй. Кто? Кто?

— Мансок.

— Юнсон. Придурок.

<http://bllate.org/book/17004/1578821>